
Раздел 1.
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ:
ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 94(47).083

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-1

Ю.А. Петров

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Yu.A. Petrov

FACTORS OF ECONOMIC GROWTH
IN LATE IMPERIAL RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена проблеме индустриального роста дореволюционной России. Рассмотрены основные факторы индустриализации: роль государства и экономической политики правительства, влияние иностранных инвестиций, вклад отечественного капитала. Сделан вывод о том, что решающую роль в стремительном экономическом подъеме империи на рубеже XIX–XX вв. сыграли отечественные предприниматели.

Ключевые слова: Россия, экономический рост, индустриализация, государство, иностранные инвестиции, российский капитал.

История зарождения и роста отечественной промышленности неразрывно связана с органическим процессом разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Еще в дореформенную эпоху наметились *две линии индустриального прогресса.*

Первая связана с государственной, казенной модернизацией, проводимой на основе применения западных форм крупного промышленного (мануфактурного) производства при использовании принудительного труда крепостных крестьян. По этому пути развивалась горно-металлургическая индустрия Урала, а также отрасли,

где проявило себя дворянское предпринимательство (винокурение, суконное, полотняное, свеклосахарное и другие производства). Путь этот в конечном итоге оказался тупиковым, и с отменой крепостного права «дворянская» промышленность либо захирела, либо перешла на рельсы нового экономического строя, в основе которого лежали частное предпринимательство и наемный труд.

Вторая модель индустриального роста, зародившаяся еще в до-реформенную эпоху, стала магистральной линией экономического роста. Основой индустриального развития страны послужила крестьянская текстильная промышленность, чье возникновение в конце XVIII – начале XIX в. стало результатом разрушения натуральной системы хозяйства. Работавшая на широкий потребительский рынок, сравнительно независимая (по сравнению с тяжелой индустрией) от казенных заказов и иностранных инвестиций, выросшая от крестьянских «светелок» до оборудованных по последнему слову западной техники фабричных комбинатов, текстильная индустрия, сосредоточенная прежде всего в Центральном районе Европейской России, послужила залогом органического промышленного роста страны.

И хотя удельный вес текстильного производства с появлением в пореформенный период других промышленных отраслей (прежде всего тяжелой индустрии) постепенно снижался, вплоть до 1913 г. она оставалась самой крупной отраслью российской промышленности. На ее долю к тому времени приходилось около 30 % валовой стоимости промышленной продукции. А общий удельный вес отраслей, рост которых был результатом рыночной эволюции сельского хозяйства (текстильной, пищевой, обработки животных продуктов), накануне Первой мировой войны составлял около 55 %.

Россия, вступившая в фазу индустриального экономического роста с середины 1880-х гг., развивалась по принципиально общей с западноевропейскими странами модели. Объем промышленного производства за 1887–1913 гг. вырос в 4,6 раза. Особенно динамично развивалась тяжелая промышленность – металлообработка и металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство 1860–1880-х гг., потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема,

когда всего за десятилетие промышленное производство в стране удвоилось.

«Темпы роста царской экономики, – по наблюдению американского экономиста П. Грегори, – были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция» [Gregory, 1982. P. 192]. По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к странам Запада. По абсолютным объемам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на 4–5-е место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX–XX вв. стала на время мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

В годы нового промышленного подъема 1909–1913 гг. объем индустриального производства в стране вырос еще в 1,5 раза. Россия существенно продвинулась по пути индустриального развития. Ее доля в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881–1885 гг. 3,4 %, возросла к 1896–1900 гг. до 5,0 %, а к 1913 г. – до 5,3 % (табл. 1).

Таблица 1

**Доля России, США, Великобритании, Германии и Франции
в мировом промышленном производстве (в %)**

Страна	1881–1885 гг.	1896–1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,3
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / отв. ред. А.П. Корелин. СПб., 1995. С. 51 (табл. 8).

Россия устойчиво опережала западноевропейские страны по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885–1913 гг. втрое, а от

Германии – на четверть. Тем не менее разница оставалась еще очень значительной: накануне мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза меньше, чем Германия. Что касается Франции, то по абсолютным показателям валового промышленного производства Россия уже к началу 1900-х гг. вплотную приблизилась к ней, превзойдя ее по выпуску ряда ключевых видов промышленной продукции: минерального топлива, стали, машин, хлопчатобумажных тканей и др. [Бовыкин, 1996. С. 7].

Гораздо менее заметны были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны, прежде всего сельского. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3 % в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2 %). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8 % мировой добычи) и сахар (10,2 %). По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая передовым индустриальным державам.

В начале XX в. Россия продолжала оставаться страной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. Однако очевидно, что на рубеже XIX–XX вв. империя вступила в фазу перехода к индустриальному обществу.

За счет же каких факторов позднейимперская Россия достигла столь впечатляющих результатов индустриального роста? За каждым экономическим чудом всегда стоит один или несколько факторов успеха. Применительно к дореволюционной России можно отметить три таких фактора. Помимо отечественного предпринимательского капитала, к ним относятся иностранный капитал и государство.

Государство в России традиционно играло активную роль в экономической сфере, стремясь прежде всего к повышению военно-экономического потенциала и расширению бюджетных ресурсов. При этом оно выступало как прямым участником экономического роста через систему госсобственности, так и косвенно оказывало воздействие на развитие народного хозяйства общей экономической политикой.

Государство на рубеже XIX–XX вв. являлось крупнейшим собственником экономических ресурсов страны. По имеющимся обобщенным данным, казне к началу Первой мировой войны принадлежало в России 35 % сельскохозяйственных земель, 60 % лесов, около 7 % национального богатства в целом (стоимость железных дорог, госпредприятий, зданий, сооружений и др.). Государственными являлись около 700 промышленных предприятий (прежде всего военные, горные, вино-водочные заводы), учреждения связи и средства сообщения (казенные железные дороги охватывали около 70 % всей железнодорожной сети), ведущими учреждениями финансовой системы являлись казенные банки (Государственный с сетью сберегательных касс, Дворянский и Крестьянский) и др. На казенных предприятиях было занято 8 % рабочих и служащих, на них приходилось 7–8 % распределенного национального дохода.

К казенной сфере, финансируемой из бюджета, относилась также система госуправления (около 300 тыс. только гражданских чиновников), обороны (1,4 млн чел.), охраны общественного порядка, образования, здравоохранения, культуры и др. Всего «бюджетников» и работников казенных предприятий насчитывалось около 3 млн чел. Эта цифра отражает численность трудоспособного населения, непосредственно связанного с использованием госсобственности, участвующего в государственном хозяйствовании. В производстве товаров и услуг доля казенного сектора экономики составляла около 10 %.

По уровню развития госсобственности Россия не являлась исключением и примыкала к европейским странам, озабоченным ускорением экономического роста за счет мобилизации ресурсов. Так, в Пруссии в начале XX в. госпредприятия составляли комплекс базовых отраслей промышленности (электростанции, угольные шахты, металлургические заводы), обеспечивавших бесперебойную работу казенных железных дорог (их доля превышала 90 % общей протяженности).

Гораздо значительнее было участие Российского государства в воспроизводственном процессе финансовых вливаний и потребления. На долю государства в начале XX в. приходилось около 20 % всех инвестиций в российскую экономику, госзаказ в отдельных отраслях достигал 30–40 %. Благодаря государственной под-

держке была создана и функционировала примерно 1/10 промышленного потенциала страны.

Таким образом, государство являлось активным игроком на экономическом поле, хотя, как показали специальные исследования, эффективность госхозяйства была весьма невелика, даже в приоритетных отраслях, непосредственно обслуживающих оборону страны [Шацилло, 1992]. Насколько государство стимулировало экономический рост с помощью системы косвенного воздействия, т.е. через экономическую политику?

В пореформенный период экономическая политика правительства носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и, тем самым, развитию индустриального производства, а с другой – неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, интересы дворянства, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало архаичные порядки в деревне [Власть..., 1996. С. 405]. Политика эта обрела свое воплощение в деятельности С.Ю. Витте, крупнейшего государственного деятеля дореволюционной России, министра финансов в 1892–1903 гг.

Квинтэссенцией его экономических воззрений и министерской практики стала идея ускоренной индустриализации и создания собственной национальной промышленности, защищенной от иностранной конкуренции таможенно-протекционистскими мерами. Для этого, по убеждению министра финансов, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, как отечественные, так и в особенности иностранные. Традиционная нехватка инвестиций, полагал Витте, задерживает развитие России, хотя по скорости и силе промышленного роста она «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств».

Привлечение иностранного капитала в различных его формах, займовых, а главным образом инвестиционных, Витте считал основой основ своей финансовой системы. Система эта, заметим, не предусматривала коренной аграрной реформы, поощрение промышленного развития проводилось при известной консервации пережитков в сельском хозяйстве, что предопределило диспропорцию темпов развития индустриального и аграрного секторов.

Витте рассчитывал вывозом товаров в Азию погашать долги империи в Европе. Геополитические имперские соображения играли для него первостепенную роль. Индустриальный рост для министра финансов означал прежде всего сохранение Россией статуса великой державы и расширение сферы имперского влияния. «Международное соперничество не ждет, – предупреждал он Николая II во всеподданнейшем докладе 1900 г. – Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды..., а укоренившись в глубинах народного потребления, она сможет постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний» [Корелин и др., 1998. С. 70].

Витте был убежден, что в условиях самодержавного образа правления ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства и государственного вмешательства в экономику. «В России, – писал он Николаю II в 1895 г., – по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность...» [Власть..., 1996. С. 416].

Помимо мер общего характера, создавших благоприятные условия для развития отечественной промышленности (таможенные и железнодорожные тарифы, денежная реформа 1895–1897 гг., льготное налогообложение и др.), существенную роль играла и прямая поддержка финансовым ведомством покровительствуемых им отраслей (машиностроения, химической и добывающей промышленности и т.п.) путем предоставления казенных заказов, льготных кредитов, регулирования объемов производства для поддержания высоких цен и т.д.

Американский историк А. Гершенкрон в 1960-е гг. выдвинул концепцию, согласно которой государственное вмешательство сыграло решающую роль в индустриализации царской России. Стиму-

лирование экономического роста, по его оценке, помимо протекционистской политики, достигалось путем бюджетного перераспределения налоговых средств из аграрного сектора в индустриальный [Gerschenkron, 1962. P. 132]. Эта идея явилась своеобразной попыткой объяснить промышленный взлет поздней имперской России бюджетными механизмами по аналогии с советской экономикой.

Исследования современных авторов не подтвердили тезиса Гершенкрона о перераспределении ресурсов через бюджет из аграрного сектора в индустриальный. Государство действительно играло весьма активную роль в экономической жизни предреволюционной России, но вряд ли можно говорить о «насаждении» им промышленности по каналам перераспределения налоговых средств, бюджетная политика поздней имперской России в этом отношении была по крайней мере нейтральной [Gregory, 1982. P. 192–194]. В государственном бюджете «непроизводительные», по терминологии того времени, расходы (главным образом на армию и флот, содержание административного аппарата и обслуживание государственного долга) продолжали преобладать над «производительными» (вложения в государственное имущество и предприятия, бюджетные вливания в частный сектор, расходы на просвещение и т.п.).

Впрочем, та же картина наблюдалась и в экономически развитых европейских странах, где бюджетное финансирование экономического роста как осознанная политика берет свое начало не ранее кризиса рубежа 1920–1930-х гг. Именно тогда на смену теории «свободной руки» Адама Смита, т.е. саморегулирующейся модели экономического развития, пришла концепция Дж. Кейнса о необходимости государственного регулирования хозяйственной деятельности. До этого времени бюджетное финансирование экономического роста не было свойственно ни одной из великих держав. Сходная ситуация имела место и в России, где индустриальный прорыв рубежа XIX–XX вв. отнюдь не был заслугой бюджетной политики правительства.

Не была заметным фактором экономического роста и займовая политика Витте. Внешний государственный долг России к 1914 г. выражался суммой 8824,5 млн руб., в том числе 7153 млн – займы «на общегосударственные потребности», и остальные 1671,5 млн – долги по облигациям железнодорожных обществ. Платежи по займам являлись второй по значимости «непроизводительной» статьей

бюджета после военных расходов империи¹. По размерам государственного долга Россия в мировой таблице о рангах шла на втором месте после Франции и на первом – по абсолютным размерам связанных с займами платежей. При этом по показателю государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только 10-е место (53 руб. на каждого жителя империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников – Франции (253 руб.). Тогдашними экспертами признавалось, что долговое бремя не угрожает статусу России как великой державы и даже вообще не является слишком тяжелым по сравнению с другими европейскими странами [Каценеленбаум, 1917. С. 11–12].

Важнее, однако, то, что казенную железнодорожную сеть страны на 3/4 субсидировали из внешних займовых источников, и единственно в этом заключался экономический эффект системы Витте. Зато почти 3/4 «общих нужд» империи, т.е. расходов, связанных с государственным управлением и целями внешней политики, покрывалось за счет внутренних накоплений (в том числе через налоговую систему). В целом о российских государственных финансах можно сказать, что внутренний долг накануне мировой войны служил целям финансирования правительства и его ипотечных банков, внешний же использовался как компенсатор внутренних накоплений, отвлеченных через систему государственного кредита на непроизводительные цели.

Гораздо успешнее оказалась политика Витте по привлечению в страну иностранных частных инвестиций, призванных дать импульс индустриальному росту. С этой целью и была, собственно, проведена денежная реформа 1895–1897 гг., введшая в России золотое денежное обращение. Намечая реформу рубля, Витте имел в виду прежде всего внешнеэкономический аспект, возможность с помощью твердой валюты войти в сообщество экономически развитых держав и привлечь оттуда частные инвестиции. «Огромное значение золотой валюты, – резюмировал министр финансов свою позицию, – заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется» [Ананьич, 1970. С. 257].

---

¹ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 38, 77–81.

После реформы приток иностранных капиталов в инвестиционной форме действительно усилился, чему способствовала и высокая экономическая конъюнктура 1890-х гг. В дальнейшем инвестиции росли опережающим темпом по сравнению с государственным долгом, который после значительного расширения в период революции 1905–1907 гг. существенно не увеличивался вплоть до мировой войны. В условиях моратория на выпуск новых государственных займов уменьшение поступлений займовых средств компенсировалось форсированным притоком частных иностранных инвестиций. В акции и облигации российских акционерных компаний и облигации муниципальных займов к 1913 г. было инвестировано 1571 млн руб. иностранных капиталов или почти втрое больше, чем в 1900 г. Заграничные инвестиции занимали около 18 % от общего объема капиталовложений в бумаги российских акционерных компаний.

Эти цифры говорят о том, что экономического прогресса имперская Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли важную роль в деле индустриализации страны, подтолкнув к созданию ряда новых отраслей. Впрочем, в этом отношении Российская империя принципиально ничем не отличалась от других стран, пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, от Германии или США, в течение XIX в. совершивших громадный скачок в индустриальном развитии, в том числе благодаря притоку иностранных инвестиций).

Плата за помощь капиталами и технологиями («ноу-хау») была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше и в конечном счете эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. Удовлетворяя назревшие потребности российского народного хозяйства, ориентируясь на внутренний рынок, переплетаясь и сращиваясь с отечественным капиталом, иностранный капитал интегрировался в процесс индустриализации страны, облегчив продвижение по этому пути и подтолкнув создание целого ряда отраслей экономики (например, угольно-металлургический район Донбасса) [Иностранное предпринимательство..., 1997].

А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для индустриального роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народно-хозяйственной системе страны.

В канун мировой войны Россия вышла на траекторию интенсивного индустриального роста, который мог обеспечить мирную эволюционную модель развития империи. Золотая валюта способствовала более интенсивному втягиванию России в международное финансовое сообщество. Государственные обязательства в структуре международной задолженности страны в начале XX в. стали замещаться динамичными прямыми инвестициями, экономически более эффективными, нежели казенные займы, значительная часть которых расходовалась на поддержание имперского статуса. Вероятнее всего, тенденция к возрастанию доли инвестиционных капиталов по сравнению с займовыми продолжилась бы и в дальнейшем при условии сохранения высокой экономической конъюнктуры. Однако Первая мировая война разрушила эту оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему. С началом военных действий инвестиционный поток из Европы в Россию прервался, а система золотого обращения была ликвидирована во всех воюющих странах.

Итак, экономический рост в позднеимперской России поддерживался не только государственными вливаниями и политикой правительства, но прежде всего хозяйственной деятельностью частных предпринимателей, российских и иностранных. Государство в дореволюционный период являлось не столько инвестором (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста. Этот вывод служит косвенным, но весьма важным подтверждением победы частнопредпринимательской системы хозяйства в позднеимперской России.

Литература

Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. Очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970. 316 с.

Бовыкин В.И. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М.: РОССПЭН, 1996. 311 с.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.

Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки / рук. проекта В.И. Бовыкин. М.: РОССПЭН, 1997. 321 с.

Каценеленбаум З.С. Война и финансово-экономическое положение России. М.: Культурно-просветительское бюро студентов Московского коммерческого института, 1917. 80 с.

Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Terra – книжный клуб, 1998. 462 с.

Шаццлло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1992. 270 с.

Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. New York: Cambridge Univ. Press, 1982. 359 p.

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge; Massachusetts, 1962. 456 p.